

18+

Юрий Федосов

МАТЬ, ОТЕЦ, ДИТЯ

Трилогия

Юрий Федосов

Мать, отец, дитя. Трилогия

«Издательские решения»

Федосов Ю.

Мать, отец, дитя. Трилогия / Ю. Федосов — «Издательские решения»,

Трилогия «Мать, отец и дитя» — философско-метафизическое исследование того, как человек проходит через три фундаментальных опыта: принятие, созидание и становление. От первого воспоминания света за границей утробы — до встречи с Творцом через познание себя. Книга не о воспитании. Книга о том, ради чего мы живём.

© Федосов Ю.

© Издательские решения

Содержание

«Мать, Отец и Дитя»	6
Вступление	6
Часть первая. Меч и Корона	6
Часть вторая. Тишина	6
Часть третья. Свет вне стен	7
Часть четвёртая. Зачем	7
Книга первая: Мать	9
Часть 1. Мать и дитя	9
Часть 2. Мама и язык доверия	11
Часть 3. Мать и самость	13
Часть 4. Материнское в женщине	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мать, отец, дитя Трилогия

Юрий Федосов

© Юрий Федосов, 2026

ISBN 978-5-0069-7808-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мать, Отец и Дитя» Трилогия

Вступление

Часть первая. Меч и Корона

Нас было несколько человек. Мы шли друг за другом по скалистому ландшафту. Я — последним.

Впереди, у самой пещеры, первый остановился. Он вошёл внутрь и через какое-то время вышел, держа в руках два предмета: императорскую корону в виде полусферы и меч.

Оба были сделаны из тончайших серебряных нитей. Лезвие меча от середины к острию переходило в невидимое пламя.

Шедшие впереди меня передавали их из рук в руки. Когда очередь дошла до меня, я опустился на одно колено. Мне надели корону на голову и вложили в руки меч.

Как только корона коснулась головы, а пальцы сомкнулись на рукояти, меня подхватила сила. Я летел над огромным пространством. И внизу, на берегу реки, увидел человека.

Он лежал на большом куске камня, отколовшегося от скалы. Руки и ноги его были прикованы к камню цепями.

Я спустился. Меч перерубал цепи одним ударом, словно они были не из металла, а из какого-то мягкого, податливого материала. В спешке, вместе с цепью я отсёк ему кисть правой руки.

И у меня не было ни капли сожаления. Ни тени раскаяния.

А потом — в девятнадцать лет — взрыв. И кисти правой руки больше нет.

Глубину этого символизма невозможно вместить в земное тело. Не потому, что она скрыта, а потому, что она слишком велика.

Никогда — ни тогда, на берегу реки, ни потом — я не связывал эти два события. Они жили отдельно. И только сейчас, когда слова ложатся на бумагу, я вижу: они всегда были одним.

Часть вторая. Тишина

Я знаю, как это звучит.

Человек, который помнит корону и меч, полёт над рекой, распятого на камне, отсечённую в спешке кисть, — а потом взрыв и собственную потерянную руку, — такой человек в нашем мире имеет право только на одно: на диагноз.

И всё же я пишу.

Не потому, что хочу кого-то убедить. Не потому, что ищу подтверждения. А потому, что молчать об этом — значит предать ту самую память, которая сделала меня тем, кто я есть.

Я не прошу верить. Я только прошу: не закрывай книгу сразу. Послушай дальше. Там будет ещё тише, ещё страннее, ещё непонятнее. Там будет свет — но не тот, к которому мы привыкли. Свет, который вне, но которого ждёшь, ещё не зная имени.

Там будет мама. И то, что было до неё.

Часть третья. Свет вне стен

Самое раннее, что я помню, — не лицо, не голос, даже не имя. А пространство. Я в нём — и оно во мне. Но есть граница. За ней — свет. Я его не вижу в том смысле, в каком видят глазами, но я знаю, что он есть. Он где-то там, снаружи, и я рвусь к нему.

Я пытаюсь двигаться, биться, прорваться — и ничего не выходит. Стены не пускают. Свет остаётся недостижимым.

А потом я понимаю: не надо бороться. Надо слушать.

И постепенно, сквозь эту границу, я начинаю различать иное. Ритм. Тепло. Движение, которое больше меня, но в которое я включён. Я успокаиваюсь — и впервые чувствую: я не один.

Позже мама расскажет, что в начале беременности у неё был трудный период. Токсикоз, дискомфорт, чувство, что что-то не так. А потом всё прошло.

Теперь я знаю: это я тогда рвался к свету. Это моя паника отзывалась в ней болью. А когда я научился слушать, боль ушла. Мы оба стали ждать.

Часть четвёртая. Зачем

Я рассказал это не для того, чтобы меня поняли.

И не для того, чтобы кто-то сказал: «Да, я тоже так чувствовал».

Я рассказал это потому, что молчать дальше стало тяжелее, чем говорить.

Я не знаю, зачем мне эта память — слишком большая для одного человека. Не знаю, почему она пришла именно так. Но я точно знаю другое: если я её спрячу, если сделаю вид, что её нет, — я предам что-то очень важное в себе. То, что делает меня мной.

Поэтому я пишу.

Не как человек, который «вспомнил прошлые жизни».

Не как мистик и не как свидетель.

Просто как человек, который больше не хочет притворяться, что живёт только в одной короткой биографии.

Я — дитя, которое растёт внутри каждого своего воплощения.

Учится не рубить цепи в спешке.

Учится слушать.

Эта книга — не доказательство и не исповедь.

Это просто попытка не предать то, что я помню.

Если ты сейчас читаешь эти строки и внутри что-то тихо отзывается — пусть даже смутно, — значит, наши пути уже пересеклись.

Если нет — тоже хорошо. Просто закрой книгу.

Книга первая: Мать

Часть 1. Мать и дитя

«Дети в утробе матери „видят“ и „слышат“ её телом, но при этом никогда не теряют своей индивидуальности.»

Мать — это не пространство. Пространство можно покинуть.

От матери не уходят — даже уйдя, несёшь её в себе.

Мать — не среда и не функция. У неё нет заменителей. Её нельзя усовершенствовать или отменить.

Мать — не биология. Биология объясняет лишь механизм.

Но даже в самой глубокой тьме, где ещё нет ни глаз, ни ушей, ты уже знаешь: ты не один.

Мать — это первое Присутствие. То, что есть, даже когда ничего ещё нет.

Это первая встреча сознания с бытием.

До неё сознание существует, но ещё не знает, что оно существует.

Встреча с матерью — это рождение не только тела, но и самого чувства «я есть».

И именно поэтому утрата смысла жизни почти всегда связана с утратой Материнского начала.

Не обязательно с уходом биологической матери.

А с тем, что в мире больше не осталось того, что принимает, хранит и ждёт.

И тогда человек начинает искать замену.

Он берёт власть — и обнаруживает, что за ней ещё холоднее, чем перед ней.

Он копит деньги — и чем их больше, тем острее чувство: их всё равно недостаточно.

Он ищет славу — но чужие взгляды скользят мимо, не задерживаясь.

Он заполняет дом вещами — красивыми, умными, дорогими. Они мигают и гудят, обещая комфорт.

Но в тишине ночи вещи молчат. Они не обнимут. Не скажут: «Я здесь. Я с тобой».

И только тогда приходит догадка:

то, что он ищет, нельзя купить, завоевать или произвести.

Это можно только получить — как дар.

И даётся этот дар только один раз, в самом начале.

А потом — если принял — носишь в себе всю жизнь.

Если нет — ищешь заменители до самой смерти.

Часть 2. Мама и язык доверия

«Мать учит ребёнка воспринимать окружающий мир, мыслить и любить. Если матери мира не осознают своей ответственности, судьба Земли окажется предрешённой.»

До того как ребёнок слышит первое слово, он уже слышит всё.

Стук сердца. Гул крови. Ритм дыхания. Голос, который проходит не через уши, а через всё тело сразу.

Это не язык в человеческом смысле. У этого языка нет алфавита. Но есть грамматика: пауза и звук, покой и движение, свет и тьма за стенкой.

И есть доверие.

Ребёнок не знает, что это слово. Он просто чувствует: то, что происходит, — правильно. То, что окружает, — безопасно. То, что приближается, — несёт тепло.

Это первый опыт доверия к миру.

И даёт его — мама.

Через маму ребёнок учится не только слышать, но и отвечать.

Сначала — телом. Поворот головы на голос. Замирание, когда мама поёт. Улыбка, которая появляется не потому, что ребёнок решил улыбнуться, а потому что мама улыбнулась первой.

Потом — звуками. Гуление, лепет, первые слоги. Мама повторяет их за ним — и ребёнок вдруг понимает: то, что выходит из меня, возвращается. Мой звук — услышан. Я есть.

Это первый диалог. Первое «я» и первое «ты».

И в этом диалоге — задолго до школы, задолго до первых книг и первых учителей — начинает работать самый важный университет в жизни человека.

У него нет зданий, нет программ, нет дипломов. Но всё, что человек пронесёт через всю жизнь — способность любить и верить, умение ждать и прощать, чувство красоты и чувство правды, — закладывается именно здесь.

Мама не читает лекций. Она просто живёт рядом. И каждое её движение, каждое слово, каждый взгляд становится уроком.

Уроком доверия — когда она приходит на плач.

Уроком терпения — когда она ждёт, пока ребёнок сам сделает первый шаг.

Уроком благодарности — когда она улыбается в ответ на улыбку.

Уроком границы — когда мягко, но убедительно говорит «нельзя».

Уроком безусловной любви — когда обнимает, даже если ребёнок ошибся.

Ни один университет мира не даст того, что даёт мама за первые три года жизни. Потому что она учит не знаниям — она учит быть.

И от того, какой была эта первая встреча с бытием, зависит почти всё. Не в том смысле, что это предопределяет судьбу — человек всегда свободен в своём выборе. Но мать — та самая первая почва — во многом определяет, будет ли он чувствовать ответственность за этот выбор, или потратит жизнь, пытаясь её избежать.

Часть 3. Мать и самость

«Самость преодолима лишь осознанием всего вреда, который она несёт.»

Самое страшное — не потеря матери, а её эгоизм.

Потерять мать — горе. Человек учится носить его, и со временем боль становится тише, память — светлее. Горе не убивает способность любить — оно учит ценить то, что осталось.

Эгоизм матери — другое.

Он не уходит с годами. Он остаётся в ребёнке, даже когда мать рядом. Особенно когда рядом.

Она есть — но её нет. Она смотрит — но не видит. Она говорит — но не слышит. Всё, что она делает, пропущено через одно: «а что мне?», «а как мне?», «а удобно ли мне?».

И ребёнок усваивает страшный урок: я не нужен.

Не потому что он плохой. Не потому что сделал что-то не так. А потому что сам факт его существования не стал для другого человека событием. Он есть — но как будто его нет. Или он есть, пока не мешает.

Это разрушает всё.

Способность доверять — потому что доверие требует встречи, а встречи не случилось.

Способность любить — потому что любовь учится у любви, а её не было.

Способность быть — потому что «я есть» рождается из «ты есть для меня», а этого никто не сказал.

И тогда вся жизнь уходит на то, чтобы доказать: я нужен. Или — чтобы наказывать себя за то, что доказать не получается. Или — чтобы искать в других ту любовь, которую должна была дать мать, и снова и снова обжигаться, потому что никто не может заполнить эту пустоту.

Вот что такое самость, когда она становится началом, из которого выходит человек.

Но есть и другая правда.

Материнство, если оно настоящее — единственная сила в мире, которая способна победить самость без борьбы. Не через усилие, не через самопринуждение, не через воспитание в себе добродетелей. А просто потому, что появляется кто-то, кто важнее тебя самой.

И эгоизм отступает. Не потому что его победили — ему просто больше нет места. Когда ребёнок кричит ночью, мать не думает «я хочу спать». Она встаёт. Не из чувства долга — из того, что сильнее долга.

Это не подвиг. Это природа любви.

И именно поэтому эгоизм матери — такое страшное искажение. Потому что он идёт против самой природы того, что мать должна быть. Он превращает источник жизни в источник раны.

Но осознание этого вреда — уже шаг к исцелению. Не чтобы обвинить. Не чтобы повесить на мать вину, которую она, может быть, никогда не поймёт. А чтобы увидеть: так было. Но так не должно длиться вечность.

Потому что ребёнок, даже раненный эгоизмом матери, остаётся человеком. А значит — способным однажды встретить любовь, которая не требует доказательств. И может быть, впервые почувствовать: я нужен. Не за что-то. А просто потому что я есть.

Часть 4. Материнское в женщине

*«Истинно красивого человека отличают высокие устремления,
прекрасные мысли и чистые чувства.»*

Есть женщины, которые родили детей, — и нет в них материнского.

Есть женщины, у которых детей нет, — а материнское светится в каждом их жесте, в каждом взгляде, в самой тишине, которую они умеют хранить.

Значит, дело не в биологии.

Материнское — не функция и не роль. Это качество души. Способность так присутствовать в мире, чтобы мир вокруг становился теплее. Способность так смотреть на другого, чтобы он впервые чувствовал: я есть, я замечен, я принят.

Женщина с материнским началом не обязательно печёт пироги и лечит ранки. Она может заниматься чем угодно — наукой, искусством, бизнесом, политикой. Но рядом с ней пространство выдыхает. Напряжение уходит. Хаос перестаёт пугать.

Потому что она умеет главное: давать воплощение.

Не только детям — любой идее, любому замыслу, любому человеку, который оказался рядом. Она не просто слушает — она делает так, что сказанное обретает вес. Она не просто поддерживает — она становится той почвой, в которой прорастает семя.

Это и есть духовное призвание женщины — не в том смысле, что все должны быть такими, а в том, что там, где это есть, жизнь становится возможной. Без этого мир замерзает.

Но материнское в женщине — только начало.

То же самое качество мы находим везде, если научимся смотреть.

В земле, которая принимает семя и даёт ему тело.

В воде, которая не имеет своей формы, но наполняет любую форму жизнью.

В ночи, которая обнимает день и даёт ему отдохнуть, чтобы утром он родился заново.

Это уже не материнство в узком смысле. Это Женское Начало — та сторона бытия, без которой любое движение остаётся только движением, любой импульс — только порывом, любая мысль — только тенью мысли.

Женское Начало даёт воплощение.

Оно превращает
замысел — в творение,
семя — в колос,
идею — в результат,
ребёнка — в человека.

Потому что идея, первый импульс, может проявиться только в Материи. Больше нигде. Без женской принимающей силы любой замысел остаётся бесплотным — прекрасным, но не рождённым.

Мы привыкли думать, что главное — это действие, импульс, прорыв. Но без той, кто принимает, хранит и вынашивает, всё рассыпается в пыль.

Семя не просто лежит в земле. Земля отдаёт ему свои соки, своё тепло, своё время. Она растворяет его твёрдую оболочку, чтобы выпустить наружу то, что в нём спало. И девять месяцев — от весны до осени — она носит в себе колос, как мать носит дитя.

Вода не просто течёт. Она помнит. Каждую форму, которую ей пришлось принять, каждую трещину, которую она наполнила, каждую жажду, которую утолила. Вода не спорит — она соглашается быть любой: паром и льдом, дождём и росой, слезой и океаном. И в этом согласии — её неодолимая сила.

Ночь не просто смена дня. Она — утроба, в которой зачинается утро. Всё, что будет днём, сначала вызревает в ней. Мысли, чувства, образы, решения — они приходят не в шуме, а в тишине, которую дарит ночь. Она обнимает мир, чтобы он мог отдохнуть от самого себя.

Даже пространство — и то женственно. Не в смысле пустоты, а в смысле возможности. Без пространства нечему было бы наполниться. Без молчания нечему было бы зазвучать. Без вместиллица ничто не могло бы случиться.

Женское Начало в природе — это та сила, которая даёт место.

Место — семени, чтобы стать колосом.

Место — замыслу, чтобы стать творением.

Место — дыханию, чтобы стать жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.